

DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2014.5.3>

УДК 94(470+571)«1914/18»

ББК 63.3(2)524

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ О СУДЬБЕ РУССКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ ¹

Назарова Татьяна Павловна

Кандидат исторических наук,
доцент кафедры философии, истории и политологии,
Волгоградский государственный аграрный университет
hist_tatyana@mail.ru
просп. Университетский, 26, 400002 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Материалы периодической печати являются важным источником по изучению общественного мнения и политики власти в отношении судьбы русских пленников. Анализ печати доказывает, что несмотря на патриотический подъем, который охватил прессу в годы Первой мировой войны, проблема положения русских военнопленных не была широко представлена. В статье анализируется характер публикаций о русских пленниках и выявлены причины невнимания прессы к их проблемам.

Ключевые слова: русские пленники, Первая мировая война, периодическая печать, «образ врага», общественное мнение.

Проблема пленников стала наиболее актуальной в годы Первой мировой войны, которая привела к невиданным ранее масштабам плена – миллионам военнопленных с каждой стороны. Плен стал массовым феноменом и острой социально-экономической и военно-дипломатической проблемой для воюющих стран. Из всех воевавших держав Россия понесла наибольшие потери по количеству пленников. По оценкам современных исследователей, в России оказалось около 2,4 млн военнопленных из армий Германии и Австро-Венгрии. В то же время русских военнопленных в лагерях Германии, Австрии, Турции и Болгарии содержалось около 3,5 млн человек [2, с. 254].

Судьба русских военнопленных в годы Первой мировой войны достаточно хорошо исследована в современной науке: в работах рассматриваются размещение, численность, труд, межкультурный опыт общения русских военнопленных с местным населением Германии

и Австро-Венгрии, юридические, организационные, гуманитарные вопросы их содержания (см.: [7; 9–12] и др.). Все исследователи едины во мнении, что международные нормы в отношении пленников нарушались всеми сторонами конфликта, во всех странах условия плена были тяжелыми, но при этом отмечают, что данные отчетов гуманитарных организаций, воспоминания участников свидетельствуют о том, что положение русских пленников было хуже всего. Это объяснялось не только жестоким обращением к ним со стороны противника, но и тем, что русские военнопленные оказались практически брошенными на произвол судьбы своим государством.

В армии велась целенаправленная пропаганда и разъяснительная работа о недопустимости добровольной сдачи в плен. Военные уставы России предусматривали возможность пленения исключительно при тяжелом ранении. В иных случаях сдача в плен рассматри-

валась как предательство и трусость. Для укрепления боевого духа солдат издавались пропагандистские брошюры с характерным названием: «Что ожидает добровольно сдавшегося в плен солдата и его семью. Беседа с нижними чинами», где разъяснялись репрессивные меры [8]. Подозрения и обвинения в измене ложились на всех оказавшихся в плену, что напрямую отражалось на их положении, оказании им материальной помощи, возможностях переписываться с родными, и, наконец, на морально-психологическом состоянии самих пленных (см. подробнее: [12]).

Определенные препятствия со стороны правительства встречали даже общественные инициативы по организации помощи пленным. Так, например, генерал М.А. Алексеев призывал запретить публиковать в газетах объявления о сборах помощи, так как, по его мнению, «пленные находятся в условиях жизни более сносных, чем защитники Родины на фронте <...>», а сообщения о сборе денег и организации помощи могли настроить «малодушных, не усвоивших понятия долга, на сдачу», и, кроме того, собранные средства сократили бы «затраты немцев на содержание наших пленных» и позволили направить высвободившиеся ресурсы на ведение войны (цит. по: [9, с. 54]).

В свете этих данных становится понятным, почему отечественная печать 1914–1917 гг. относительно слабо освещала положение русских солдат-военнопленных. Периодическая печать несет на себе немалую долю ответственности за судьбу соотечественников в плену, так как не смогла или не захотела актуализировать эту проблему, поднять общественное мнение в защиту своих пленных солдат и офицеров. Пропаганда печати военного времени была нацелена на подъем морального и боевого духа солдат и граждан, развитие патриотических чувств и ненависти к врагу, поэтому лишний раз напоминать обществу о русских пленных (особенно с учетом их массовости) не хотели, эта информация угнетающе и деморализующе действовала бы на общество.

Россия в этом плане не была одинока – все стороны конфликта подробно печатали сведения о количестве убитых, раненых и плененных вражеской стороны, но при этом

уменьшали собственные потери (как правило, в отечественных газетах и журналах помещались колонки поименных потерь, но итоговых цифр погибших в каждой военной операции не приводилось). Информация о количестве своих пленных на страницах русских газет практически отсутствовала. Единственным изданием, которое регулярно публиковало поименный список попавших в плен, был военный журнал «Разведчик», но и его сводки были неполными, ограничивались несколькими фамилиями, даже во время крупных поражений русских войск, когда число пленных исчислялось тысячами. Общество не должно было знать о том, что в некоторых операциях (особенно в 1915 г.) количество пленных иногда в разы превышало «кровавые потери».

Публикации о судьбе русских пленных в отечественной печати периодически появлялись, но сам сюжет об их тяжелом положении в немецком плену использовался лишь в рамках военной пропаганды, нацеленной на создание «образа врага», для иллюстрации нарушения немцами общепринятых мировых гуманистических принципов. Этот сюжет поднимался в печати намного реже, чем более популярные агитационные темы – вандализма немецких солдат, жестокого обращения с мирными жителями, о нарушении Германией и ее союзниками норм международного права, об их варварских методах ведения войны и др.

В таких популярных журналах, как «Нива» и «Летопись войны» статьи о положении русских пленных появлялись редко и качественно отличались от аналитических подробных отчетов о других злодеяниях противника. Из-за отсутствия информации из первых рук в 1914–1915 гг. сообщения преимущественно публиковались с перепечаткой статей из зарубежных журналов. Так, в журнале «Нива» за весь 1914 г. практически единственными сообщениями стали перепечатанные короткие заметки датской газеты «Politiken» о положении русских пленных в немецком г. Котбусе – центральном пункте русских пленных: «Их разместили на ипподроме под открытым небом, питание – большой кусок хлеба. Риса, горох, картофель, мяса дают крайне редко. Бараки построят лишь к зиме. Спят на соломе – держат как скот на огромном поле, лишенных самых элементарных человеческих

удобств» [14, с. 3]. Приводился также случай о том, как пленных показывали немецким бюргерам за деньги. Со значительно большими подробностями было описано жестокое отношение немцев к тем русским путешественникам и членам дипломатических миссий, которых война застала на территории Германии [17, с. 33]. «Новое время» и в 1915–1916 гг. продолжало публиковать перепечатки из зарубежных газет и журналов, например, отчет английской следственной комиссии о Виттенбергском лагере военнопленных в Саксонии [21, с. 10]. Каких-либо отчетов русских следственных комиссий до 1916 г. на страницах печати не встречается.

Иллюстративного материала изданиям явно не хватало, даже публикуемые редкие фотографии, раскрывающие характер содержания русских офицеров в немецком плену, не показывают той жестокости, о которой писали журналисты. Зачастую фотографии и вовсе не сопровождались комментариями, а публиковались на фоне статей по другим темам. Так, в приложении к «Новому времени» была опубликована серия снимков, на которых запечатлены бараки, офицерские комнаты, устроенные алтари, встреча пасхи [1, с. 8]. В отечественной периодике так и не были представлены фотографии первых месяцев плена, на которых был бы виден общий вид лагерей до их обустройства, когда пленным еще приходилось спать под открытым небом в ямах. Это свидетельствует о том, что ни одна общественная или государственная комиссия пленных не навещала.

Первые подробные обзоры со слов очевидцев о положении русских военнопленных в германском плену в отечественной печати стали появляться лишь в 1916 г., когда стали возвращаться из плена на родину инвалиды. В изданиях «Нива» и «Речь» в январе 1916 г. публикуется рассказ очевидца – военного врача, в котором он описал все тяжести плена – о том, как спал в ямах до строительства барака, о жестокости и издевательствах немецких солдат, об эпидемии тифа и получении им инвалидности [4, с. 3]. О том, что русские пленные оказались фактически забыты своим правительством, общественность могла узнать лишь по немногочисленным данным, позволяющим сравнить положение русских

пленных и союзников по Антанте. В журнале «Русские записки» приводились сведения о том, что английские офицеры получали помимо жалованья, положенного пленным офицерам (60 марок в месяц), еще 8 марок в день от своего правительства, посылки, деньги из дому. Как пишет автор публикации, ко всем прочим бедствиям русского военнопленного присоединялось «отсутствие известий с родины, создающее впечатление заброшенности, еще усиливающее чувство глубокого унижения и стыда» [6, с. 136].

Иногда тема плена раскрывалась на фоне гуманного отношения к военнопленным в России. Фотографии немецких пленных, как правило, были нейтральны и сделаны вне обстановки лагеря. На некоторых фотографиях, как описывают журналисты, немцы выглядят «жалкими оборванцами», некоторые из которых от пьянства «еле держатся на ногах» [16, с. 395]. Это распространенный стереотип, «образ немца» в прессе военных лет. В противоположность жестокому обращению с русскими в Германии подобного рода публикации должны были показать, как хорошо обращаются с немецкими пленными, кормят и допрашивают их без пристрастия. На фоне опровержения обвинений со стороны немецкой прессы русских в варварстве публикуются фотографии, изображающие русского солдата, делящегося махоркой с пленным или мирно сидящего с ним [18, с. 310]. Некоторых журналистов даже возмущало «излишне» доброе отношение к пленным немцам, и со страниц националистически настроенных газет и журналов звучал призыв проводить более жесткую линию в отношении пленных Германии и Австро-Венгрии, активнее их использовать на принудительных работах [15, с. 359].

Несмотря на подробные описания ужасов плена для русских комбатантов, в газетных и журнальных сообщениях отсутствовали призывы к власти и общественности более деятельно защищать своих соотечественников в плену. Одним из первых журналов, который обратил внимание на слабую общественную инициативу в помощи пленным, отсутствие информирования населения, был журнал «Вестник права». В нем в 1915 г. отмечалось, что благотворительные акции под названием «Дни военнопленных», проведенные в

Москве, и открытие комитета для помощи военнопленным при Московской городской Думе не встретило ответной инициативы на местах. Анализ центральной печати показывает, что освещения этих событий также не было. Именно «Вестник права» впервые выступил с предложением к местным судебным властям взять на себя обязательство помочь населению найти и связаться с родственниками-военнопленными, распространить информацию об адресах лагерей, правильно заполнить конверты с адресами на иностранном языке и т. д. Эта инициатива на местах не нашла ответа, но была реализована в более скромном виде – в 1916 г. вышло справочное издание, составленное Центральным Бюро о военнопленных (под руководством И.А. Овчинникова), в котором сообщались основные сведения о порядке и условиях контактов с военнопленными в Германии и Австро-Венгрии, наведения справок, пересылки посылок, писем, были перечислены основные адреса расположения лагерей [20].

В одной из публикаций в «Ниве» со слов пленного инвалида также прозвучал призыв к русскому обществу организовать гуманитарную помощь пленным, приводился подробный перечень необходимых продуктов, которые можно отправить посылкой в лагерь (сухари, баранки, табак, сахар, соль, одежда). Призыв заканчивался словами: «Русское общество должно помочь пленным, которые теперь видят поток помощи французам, англичанам и бельгийцам и с горечью просят передать в России: «Пусть помнят и о нас! Мы голодаем!» [5, с. 28]. Но подобного рода призывы с робким осуждением того, что русские пленны фактически остались заброшенными, больше практически нигде не встречаются в газетах и журналах.

Большим прорывом стала деятельность Чрезвычайной Следственной комиссии для расследования нарушений законов и обычаев войны, образованной в апреле 1915 г., материалы которой стали позднее публиковаться и перепечатываться в журналах и газетах. Но опять акцент в трудах этой комиссии сделан был на зверском обращении с пленными в Германии и Австро-Венгрии, а не на необходимости активизировать помощь пленным со стороны общественных и правительственных сил.

До Февральской революции помощь пленным разворачивалась в условиях правового вакуума и негласных запретов, отсутствия планомерной организации и координации действий. Как пишет О.С. Нагорная, стереотипные установки дореволюционных органов и формируемый «образ врага» повлекли за собой катастрофические последствия: стигма предательства, а также карательные мероприятия, предписанные по отношению к попавшим в плен и их семьям, отрицательно сказывались не только на физическом, но и на психологическом состоянии заключенных в лагерях [11, с. 300]. В 1914–1917 гг. власть не признавала необходимости осуществления помощи пленным. В России практически отсутствовала программа помощи своим соотечественникам в плену. Разрозненные усилия благотворительных комитетов, сосредоточенных преимущественно в Москве и Петрограде, не смогли в корне изменить ситуацию. Общество также достаточно пассивно и безучастно отнеслось к судьбе пленных. И во многом это связано с замалчиванием этой проблемы в прессе.

Причем, если позиция власти в отношении судьбы собственных пленных заключалась в равнодушии, то в отношении помощи благотворительных обществ немецким военнопленным (что соответствовало нормам международного права) иногда была довольно жесткая. Значительное влияние на утверждение идеи о существовании германской шпионской сети, охватившей всю Россию, оказывали публикации, рассказывающие о связях, существующих между лояльными немцами с высланными и военнопленными. В начале 1917 г. в печати появились сообщения о рассмотрении в суде дела об организации московскими немцами без надлежащего разрешения властей общества для оказания материальной помощи военнопленным германцам и австрийцам, находящимся в концентрационных лагерях на севере страны. В итоге руководитель этой организации – пастор Рихард Вальтер и его помощники были приговорены к 6-месячному тюремному сроку [3, с. 5].

Попытка Временного правительства пересмотреть позицию своих политических предшественников в отношении пленных не удалась во многом из-за недостатка средств и дипло-

матического влияния. В условиях массового братания солдат с противником новая власть отошла от объявленного ею принципа прощения «жертв прежнего режима» и вернулась к подозрительности и репрессиям в адрес пленных [10, с. 26]. Вновь на себя обязанность по оказанию помощи пленным взяли общественные организации. Московский Городской Комитет помощи русским военнопленным в июне 1917 г. стал издавать журнал «Русский военнопленный», чтобы прорвать тот вакуум, который до этого был в периодической печати в отношении военнопленных. В редакционном воззвании в первом номере отмечается: «Старая власть, вставшая на точку зрения, с которой страдалец за родину, пленный казался ей чуть что не синонимом изменника родине, еще чрезвычайно отягощала эту трагедию. Были за время войны целые долгие полосы времени, в которых на всякое слово о страданиях наших братьев в плену, и на всякий призыв к русскому обществу были наложены запреты строжайшие. И работа по организации и осуществлению помощи русским военнопленным протекала в полном безмолвии, вырванная из бодрящей атмосферы гласности и народного сочувствия, натывалась на многочисленные и всякого рода препятствия» [13, с. 2].

Таким образом, анализ материалов периодической печати доказывает, что несмотря на тот патриотический подъем, который охватил прессу в годы Первой мировой войны и ее активное участие в освещении военных событий, проблема положения русских военнопленных не была широко представлена на страницах печати. Тема плена не стала самостоятельной проблемой в печати, а использовалась лишь как иллюстративный материал для формирования «образа врага». Это во многом было связано с позицией власти и военного ведомства в отношении собственных пленных – они рассматривались как предатели, их винили в тех неудачах, которые преследовали русскую армию в первые годы войны. Вместо того, чтобы проанализировать причины массовости плена, разобраться и исправить допущенные генералами ошибки, о пленных пытались забыть. Поэтому судьба русских пленных в лагерях Германии и Австро-Венгрии оставалась тяжелой не столько из-за «варварского» отношения к ним противника,

как писала пресса, но и из-за равнодушия своего правительства и замалчивания многих проблем пленных отечественной печатью.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-31-01231 по теме «Эволюция “образа врага” в сознании русского общества в годы Первой мировой войны (по материалам центральной печати)».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Военнопленные в Германии // Иллюстрированное приложение к газете «Новое время». – 1915. – 26 окт. – С. 8.
2. Галицкий, В. П. Защита прав военнопленных в период Первой мировой войны: опыт и уроки / В. П. Галицкий // Последняя война Российской империи: Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов. – М.: Наука, 2006. – С. 254–258.
3. Дело московских немцев // Русское слово. – 1917. – 22 янв. – С. 5.
4. Жизнь наших врачей в германском плену // Нива. – 1916. – 23 янв. – С. 3.
5. Из жизни русских пленных в Германии. Воспоминания пленного Петра Деконского // Нива. – 1916. – 9 янв. – С. 28–30.
6. Кочеткова, З. Беглецы из немецкого плена / З. Кочеткова // Русские записки. – 1915. – № 10. – С. 133–152.
7. Минаева, Т. В. Использование труда русских военнопленных в Германии и Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны / Т. В. Минаева // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 5. – С. 131–135.
8. Навоев, П. Что ожидает добровольно сдавшегося в плен солдата и его семью. Беседа с нижними чинами / П. Навоев. – Пг.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1916. – 16 с.
9. Нагорная, О. С. Другой военный опыт: российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922) / О. С. Нагорная. – М.: Новый хронограф, 2010. – 439 с.
10. Нагорная, О. С. Российские военнопленные Первой мировой войны в Германии: автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Нагорная Оксана Сергеевна. – Челябинск, 2011. – 42 с.
11. Нагорная, О. С. Стигма предательства: русские военнопленные Первой мировой в восприя-

тии военного командования и государственных институтов (1914–1917) / О. С. Нагорная // Проблемы российской истории. – 2006. – № 1. – С. 289–308.

12. Оськин, М. В. Неизвестные трагедии Первой мировой. Пленные. Дезертиры. Беженцы / М. В. Оськин. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://e-libra.ru/read/348265-neizvestnie-tragedii-pervoj-mirovoj-plennie-dezertiri-bezhentci.html>. – Загл. с экрана.

13. От редакции // Русский военнопленный. – 1917. – Июнь. – № 1. – С. 2.

14. Отклики войны // Нива. – 1914. – 1 нояб. – С. 3.

15. П. В. Заметки петроградского обывателя во время русско-немецкой войны // Русская старина. – 1916. – Т. 165. – С. 320–362.

16. Пленные немцы под Праснышем [фотографии] // Нива. – 1915. – 16 мая. – С. 395.

17. Правительственное сообщение от 25 августа 1914 г. // Летопись войны. – 1915. – № 20. – С. 33–35.

18. С. Н.-чин. На Руси [фотографии] // Летопись войны. – 1914. – № 19. – С. 310–311.

19. Сергеев, Е. Ю. Русские военнопленные в Германии и Австро-Венгрии / Е. Ю. Сергеев // Новая и новейшая история. – 1996. – № 4. – С. 65–78.

20. Справочник для сношения с русскими военнопленными, находящимися в Германии и в Австро-Венгрии / сост. заведующий Центральным справочным Бюро о военнопленных генерал-лейтенант И. А. Овчинников. – Петроград: Гос. Тип., 1916. – 66 с.

21. Ужасы Виттенбергского лагеря // Иллюстрированное приложение к газете «Новое время». – 1916. – 9 июля. – С. 10.

REFERENCES

1. Voennoplennyye v Germanii [Captives in Germany]. *Illyustrirovannoe prilozhenie k gazete "Novoe vremya"* [The Illustrated Supplement to the *Novoe Vremya* Newspaper]. 1915, Oct. 26, p. 8.

2. Galitskiy V.P. Zashchita prav voennoplennykh v period Pervoy mirovoy voyny: opyt i uroki [Protection of the Rights of Captives During the First World War: Experience and Lessons]. *Poslednyaya vojna Rossiyskoy imperii: Rossiya, mir nakanune, v khode i posle Pervoy mirovoy voyny po dokumentam rossiyskikh i zarubezhnykh arkhivov* [The Last War of the Russian Empire: Russia, the World on the Eve, During and After the First World War According to the Documents From Russian and Foreign Archives]. Moscow, Nauka Publ., 2006, pp. 254–258.

3. Delo moskovskikh nemtsev [The Case of Moscow Germans]. *Russkoe slovo*, 1917, Jan. 22, p. 5.

4. Zhizn nashikh vrachey v germanskom plenu [The Life of Our Doctors in German Captivity]. *Niva*, 1916, Jan. 23, p. 3.

5. Iz zhizni russkikh plennykh v Germanii. Vospominaniya plennogo Petra Dekonskogo [From the Life of Russian Captives in Germany. The Memories by Captured Peter Dekonsky]. *Niva*, 1916, Jan. 9, pp. 28–30.

6. Kochetkova Z. Begletsy iz nemetskogo plena [The Fugitives From German Captivity]. *Russkie zapiski*, 1915, no. 10, pp. 133–152.

7. Minaeva T.V. Ispolzovanie truda russkikh voennoplennykh v Germanii i Avstro-Vengrii v gody Pervoy mirovoy voyny [The Employment of Russian Captives in Germany and Austria-Hungary During the First World War]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Culturology and Art Study. Issues of Theory and Practice]. 2013, no. 5, pp. 131–135.

8. Navoev P. *Chto ozhidaet dobrovolno sdavshegosya v plen soldata i ego semyu. Beseda s nizhnimi chinami* [What Will Await for Voluntarily Surrendered Soldiers and Their Family. Conversation With Lower Ranks Representatives]. Petrograd, Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1916. 16 p.

9. Nagornaya O.S. *Drugoy voennyi opyt: rossiyskie voennoplennyye Pervoy mirovoy voyny v Germanii (1914–1922)* [Another Military Experience: Russian Prisoners of the First World War in Germany (1914–1922)]. Moscow, Novyy khronograf Publ., 2010. 439 p.

10. Nagornaya O.S. *Rossiyskie voennoplennyye Pervoy mirovoy voyny v Germanii: avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk* [Russian Captives of the First World War in Germany. Dr. hist. sci. abs. diss.]. Chelyabinsk, 2011. 42 p.

11. Nagornaya O.S. Stigma predatelstva: russkie voennoplennyye Pervoy mirovoy v vospriyatii voennogo komandovaniya i gosudarstvennykh institutov (1914–1917) [The Stigma of Betrayal: Russian Captives of the First World War in the Perception of Military Command and Public Institutions (1914–1917)]. *Problemy rossiyskoy istorii*, 2006, no. 1, pp. 289–308.

12. Oskin M.V. *Neizvestnye tragedii Pervoy mirovoy. Plennyye. Dezertiry. Bezhentsy* [The Unknown Tragedies of the First World War. Captives. Deserters. Refugees]. Available at: <http://e-libra.ru/read/348265-neizvestnie-tragedii-pervoj-mirovoj-plennie-dezertiri-bezhentci.html>.

13. Ot redaktsii [Editors' Word]. *Russkiy voennoplennyi*, 1917, June, no. 1, p. 2.

14. Otkliki voyny [The Responses of the War]. *Niva*, 1914, Nov. 1, p. 3.

15. P.V. Zаметки петроградского обывателя во время русско-немецкой войны [The Notes of Petrograd Citizen During the Russian-German War]. *Russkaya starina*, 1916, vol. 165, pp. 320–362.

16. Plennye nemtsy pod Przasnyszem (fotografii) [The German Captives Under Przasnysz (Photos)]. *Niva*, 1915, May 16, p. 395.

17. Pravitelstvennoe soobshchenie ot 25 avgusta 1914 g. [The Government's Message of August 25, 1914]. *Letopis voyny*, 1915, no. 20, pp. 33-35.

18. S. N.-chin. Na Rusi (fotografii) [In Russia (Photos)]. *Letopis voyny*, 1914, no. 19, pp. 310-311.

19. Sergeev E. Yu. Russkie voennoplennye v Germanii i Avstro-Vengrii [The Russian Captives in Germany and Austria-Hungary]. *Novaya i noveyshaya istoriya*, 1996, no. 4, pp. 65-78.

20. Ovchinnikov I.A., ed. *Spravochnik dlya snosheniya s russkimi voennoplennymi, nakhodyashchimisya v Germanii i v Avstro-Vengrii* [The Handbook for Communication With Russian Captives in Germany and in Austria-Hungary]. Petrograd, Gosudarstvennaya Tipografiya, 1916. 66 p.

21. Uzhasy Vittenbergskogo lagerya [The Horrors of the Wittenberg Camp]. *Illyustrirovannoe prilozhenie k gazete "Novoe vremya"* [The Illustrated Supplement to the Novoe Vremya Newspaper]. 1916, July 9, p. 10.

PERIODICALS ON THE FATE OF RUSSIAN CAPTIVES DURING THE FIRST WORLD WAR

Nazarova Tatyana Pavlovna

Candidate of Sciences (History),

Associate Professor, Department of Philosophy, History and Political Science,
Volgograd State Agrarian University

hist_tatyana@mail.ru

Prosp. Universitetsky, 26, 400002 Volgograd, Russian Federation

Abstract. The materials of periodicals represent an important source for studying public opinion and the executive policy regarding the fate of Russian captives. The analysis of the periodicals proves that despite the patriotic fervor that swept the press during the First World War, the plight of Russian captives was not widely highlighted. The article analyzes the nature of the publications on the Russian captives and identifies the reasons of journalists' neglect of their problems.

Among these reasons, the author calls an unprecedented scale of captivity – the millions of war prisoners from each warring sides. The government and their controlled press tried to forget the captives instead of analyzing the causes of mass captivity and correcting the command errors. The theme of captivity was not a separate issue in the national press, and it was used only as the material for the formation of the “image of enemy” to illustrate the violations of the international humanistic principles by the Germans. This was largely due to the attitude of the government and the military toward their captives – they were treated like traitors, they were blamed for the failures that have dogged the Russian army in the first years of the war.

Key words: Russian captives, First World War, periodicals, “image of enemy”, public opinion.